

КНИГИ СЕРИИ
«СВЕТОЧИ РОССИИ»

Взыскание погибших

•

Свет, который в тебе

•

Благословите детей

•

Как закалялась душа

СЕРИЯ
«СВЕТОЧИ РОССИИ»

АЛЕКСЕЙ СОЛОНИЦЫН

Взыскание погибших

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АПОСТОЛ ВЕРЫ»
МОСКВА · 2017

УДК 23/28, 179.9

ББК 86.372

С 55

*Допущено к распространению
Издательским Советом
Русской Православной Церкви*

№ ИС Р17-702-0039

**Вступление к серии
«Светочи России»**

*Русь Святая, храни веру православную,
в ней же тебе утверждение.*

Солоницын А.А.

Взыскание погибших. — М.: Православное издательство
«Апостол веры» (ИП Семенец И.Ю.), 2017. — 464 с.

Эта книга выходит к 100-летию страшной революционной катастрофы, разрушившей Российскую империю. Безбожники подняли руку на помазанника Божия и его семью, на православную веру. Русская земля сплошь полита кровью мучеников, которую называют семенем христианства. Книга Алексея Солоницына повествует о восшествии на голгофу святых царя-страстотерпца Николая и его Августейшей семьи, об их ритуальном убийстве, о святых князьях Борисе и Глебе, о убиении монахинь Иверского монастыря. Все они прославили Господа, и их подвиг навеки запечатлён в истории Русской Православной Церкви.

© Издательство «Апостол веры»
(ИП Семенец И.Ю.), 2017
Оформление, текст, макет

ISBN 978-5-9908988-8-2

Быть русским

Год 2017-й особенный для нашего государства. Ровно сто лет назад произошло событие, которое изменило ход жизни России, её историю. Октябрь 1917 года одни теоретики и политики назвали «великой социалистической революцией», а другие — «тяжёлой болезнью Родины, которая принесла ей горе и неисчислимые страдания».

Эти противоположные взгляды на историю нашей Родины существуют и поныне. Но с возрождением веры православной пришло и понимание истории не как «борьбы классов», а как творческого акта духовного самоопределения народа, который остаётся верным Богу не только в повседневной жизни, но и в моменты самых тяжких испытаний.

Путь следования заповедям Господним выбрали те люди, которых и сегодня мы называем светочами России. Они предпочли Крестный путь Христа, путь страданий и даже смерти, но не предали веру православную, которая от века была завещана им предками — теми, кто строил наше Отечество, Великую Россию.

Идеология «светлого коммунистического завтра» вычеркнула и предала забвению имена многих и многих героев России. Но народное сердце не забыло их, и как

только пали оковы коммунистических догм, сразу появилась возможность назвать имена праведников и исповедников российских, которые и дали возможность России встать на путь возрождения её славы и величия.

Серия «Светочи России» и служит этой цели — рассказать читателю об этих подвижниках, которые не изменили правде Христовой и в годы репрессий, и в годы Великой Отечественной войны, и в послевоенное время, вплоть до наших сегодняшних дней. В эту серию вошли рассказы и повести и о первых святых, прославленных Русской Православной Церковью, и о священниках нашей эпохи, вышедших на подвиг жертвенного служения людям, спасения детей, брошенных на произвол судьбы.

За те годы, когда Россия стала набирать духовную силу, в их подлинном виде, очищенные от клеветы и грязи, засияли имена подвижников и исповедников Российских — от царственных страстотерпцев государя императора Николая Второго и его семьи до тружеников на ниве Христовой — епископов и архиереев, приходских священников, монахов и монахинь, простых прихожан церквей — крестьян, рабочих, интеллигенции.

Это целый сонм принявших мученические венцы, и все их имена, как оказалось, даже перечислить невозможно. Тем более что большинство подвигов праведников и исповедников веры Христовой или вовсе неизвестны, или малоизвестны.

Но тем и замечательна художественная литература, что она даёт возможность создать обобщённые портреты героев, типизировать изображаемых персонажей и рассказать о том, что для широкого читателя станет новостью.

В повестях, романах, которые будут представлены в серии «Светочи России», наряду с документально-художественными произведениями, основанными на биогра-

фических фактах и исторических событиях, будут представлены и собственно художественные произведения, с литературными героями. Но тот, кто уже более глубоко знаком с историей Русской Православной Церкви и судьбой её подвижников в XX веке, без особого труда узнает многие черты подлинных служителей Церкви Христовой, которые послужили прототипами героев повествований.

Цель издания этой серии может быть выражена словами гения русской религиозной философской мысли Ивана Александровича Ильина, которого справедливо называют «русским мудрецом».

«Быть русским, — писал Ильин в сборнике „О грядущей России“, — значит не только говорить по-русски, но значит воспринимать Россию сердцем, видеть любовью её драгоценную самобытность и её во всей вселенской истории неповторимое своеобразие... Делим её муку и знаем, что придёт час её воскресения и возрождения».

Нам представляется, что этот час приблизился, и мы начинаем вместе с другими православно мыслящими писателями и издателями, трудящимися на ниве Христовой, эту серию. Надеемся, что она станет тем ручейком, наполненным чистой живой водой, который вольётся в полноводную великую реку Православия.

ВЗЫСКАНИЕ ПОГИБШИХ

Повествование о святых страстотерпцах государе императоре Николае Втором, государыне императрице Александре Феодоровне, цесаревиче Алексие, великих княжнах Ольге, Татиане, Марии, Анастасии и их приближённых, вместе с ними убиенных

*Потому любит Меня Отец, что Я отдаю жизнь Мою,
чтобы опять принять ее. Никто не отнимает
ее у Меня, но Я Сам отдаю ее.
(Ин. 10: 17–18)*

Предисловие

Семнадцатилетним юношей я поступил на факультет журналистики Уральского госуниверситета города Свердловска (как назывался в советское время Екатеринбург). Огромный конкурс выдержал не потому, что все экзамены сдал на отлично, но главное, что к тому времени мои первые рассказы уже были опубликованы в молодёжной газете. Коренной уралец, с которым мы подружились в первые же дни учёбы, привёл меня к дому инженера Ипатьева: «Вот здесь убили царскую семью». Строение, где находились какие-то советские учреждения, было самым обыкновенным и никакого впечатления на меня не произвело. Но потом, когда мне удалось подпольно прочесть книгу следователя Николая Соколова, которого не только я, но и многие считают Божьим избранником, на «обычное здание» я посмотрел другими глазами.

Напротив «Дома особого назначения», как именовался он в чекистских документах, высилась величавая колокольня Вознесенского собора. Перед собором стояла скульптура пионера со знаменем в руках и пионерки, отдававшей салют. Они бодро шагали нам навстречу. За спинами пионеров находился закрытый обезображенный собор, а дальше дворец знаменитого на Урале горнозаводчика Харитоновна, где в ту пору рукодельничали и занимались в кружках пионеры. Гуляя по пионерскому парку, мы с другом говорили о судьбе царя и его семьи. Мы считали, что царя расстреляли, потому что иного выхода не было, но убийство жены царя, его детей и слуг уже тогда, в пятидесятые годы, вызывало возмущение и сомнение в действиях тех, кто устанавливал «самый справедливый строй на земле». После университета я много ездил по стране, но связи с городом юности не терял: в свердловском драмтеатре после учёбы остался работать мой старший брат Анатолий, к которому я время от времени приезжал, а друзья вызывали меня на киностудию — я писал сценарии для документального кино. И всякий раз, приезжая в Свердловск, а потом Екатеринбург, я мысленно возвращался к трагедии царской семьи.

В восьмидесятые годы снесли дом инженера Ипатьева, якобы по «приказу свыше» (потом выяснилось, что по инициативе секретаря обкома партии Б. Ельцина). Мы с другом ходили на место, где стоял особняк. Я подобрал здесь камень с кварцевыми вложениями и храню его до сих пор. Потом здесь установили деревянный поклонный крест. И началась нешуточная схватка между сторонниками и противниками установления на этом месте

храма. Такие же споры велись и по поводу прославления царской семьи в лике святых страстотерпцев.

К тому времени я уже многое узнал о царской семье. И в Ипатьевском монастыре в Костроме побывал, где Романовы венчались на царство, и о самом святом епископе Ипатии узнал, который был зверски убит за проповедь Христа в первые века христианства. И многие другие подробности жизни предателей и убийц царя Николая II и его семьи узнал, тем более что «разоблачительные» материалы стали тогда очень часто появляться в прессе.

Однажды меня поселили в гостинице «Свердловск». Улица, которая шла от вокзала к «Дому особого назначения», по странному совпадению принадлежала инженеру с «говорящей» фамилией Ипатьев, по воле случая или по чьему-то замыслу носила имя Свердлова. А он имел, как тогда уже было доказано, прямое отношение к убийству царской семьи. В центре улица цареубийцы плавно перетекала в улицу имени ещё одного «пламенного революционера» Карла Либкнехта, а потом в улицу Розы Люксембург. Памятник Свердлову в самом центре города также остался, хотя молодёжь несколько раз мазала его краской.

Из окна моего номера открывался удивительный вид: хорошо была видна колокольня восстановленного Вознесенского собора, а практически на одном уровне с ней — телевизионная вышка.

Эта картина вызывала во мне настолько неприятные чувства, что я попросил переселить меня в другой номер. Но мысль о том, что современная пропаганда, главным оружием которой является наше американизированное телевидение, довлеет над Православием, всячески стараясь умалить его

значимость, а при удобном случае даже унижить, не оставляла меня.

Когда появились литературные бестселлеры и кинокартины, затрагивающие тему жизни и смерти последнего императора, я ещё более убедился в том, что людей «кормят» в лучшем случае полуправдой, а порой и полной ложью.

С подачи средств массовой информации государь предстаёт народным массам как хороший семьянин, но при этом «подкаблучник» и никудышный император. Невнятно, с сарказмом, а иной раз с издёвкой (как, например, у Э. Радзинского) говорится о ритуальном характере убийства. А ведь не только каббалистические надписи на стене подвальной комнаты, куда завели и где зверски убили, паля из наганов, а потом докалывая штыками, царскую семью, их верных слуг, но и целый ряд других неопровержимых свидетельств и фактов доказывают, что убийство было именно таким.

Почти нигде не говорится о том, как замечали следы чудовищного преступления, расчленяя и пытаясь сжечь тела мучеников. Н. Соколов — один из немногих авторов, кто ясно, правдиво и доказательно описывает те страшные события. Есть и другие правдивые книги на эту тему. Есть документы, свидетельства очевидцев, от которых не отмахнуться фальсификаторам. Но главное — невозможно понять жизнь и деяния последнего императора, не принимая во внимание его глубокую религиозность, которая руководит каждым христианином в любом его решении или поступке. До сих пор не устают говорить о том, что он бездарный правитель, отдавший и власть, и страну на разграбление и поругание. Но каким образом при та-

ком «бездарном царе» население России выросло на 62 миллиона человек? Кто «стоял у руля», когда была проложена Транссибирская магистраль, давшая бурный толчок развитию промышленности и сельского хозяйства?

Кто кормил хлебом, поил молоком и снабжал лесом «цивилизованную» Европу? Когда, как не в эпоху правления Николая Второго, расцвели наши литература и искусство?

Чтобы остановить, пустить под откос «русский локомотив», наши враги, явные и тайные, понимали, что прежде всего надо убить царя, уничтожить исконную веру русского народа, которая и была скрепой нашего великого государства Российского, насадив чуждую народу веру, одурманив его «земным раем», а потом удерживая власть любыми методами.

Я писатель, поэтому перед вами не научно-историческая книга и не жития святых, прославленных нашей Церковью в лице страстотерпцев. Перед вами литературное произведение, которому свойственны черты именно этого жанра.

Я назвал эту работу повествованием, потому что писал её, строго следуя фактам, изложенным в исторических документах и свидетельствах. Я не обходил острые углы, писал о том, что ещё не было прямо сказано, но не в целях «разжигания национальной розни», а ради утверждения той Истины, которую не поняли ни римский прокуратор Понтий Пилат, ни первосвященник иудейский Каиафа. Я стремился к тому, чтобы перед вами ожили образы царственных мучеников, их духовный подвиг и победа. Ибо, как сказал митрополит Макарий, преподаватель Петербургской духовной академии: «Да, вы победите. Но после всех вас победит Христос».

Не отступая от пути Спасителя, взошли на свою Голгофу святые страстотерпцы государь император Николай, государыня императрица Александра, цесаревич Алексей, великие княжны Ольга, Татиана, Мария, Анастасия, их приближённые и слуги.

Теперь прославлен в лике святых и доктор царской семьи Евгений Боткин.

Конечно, в моей повести есть и личные предположения, домыслы, без которых не обходится ни одно литературное произведение.

Но, повторю, реконструированы исторические события на основе фактов, которых с каждым годом накапливается всё больше.

И если найдутся некоторые подробности к изложенным событиям, я надеюсь, что они только подтвердят и дополнят ту христианскую правду, которая была фундаментом всей жизни и смерти царственных мучеников и вместе с ними убиенных.

Отец просит передать всем тем, кто ему остался предан, и тем, на кого они могут иметь влияние, чтобы они не мстили за него, так как он всех простил и за всех молится, и чтобы не мстили за себя, и чтобы помнили, что то зло, которое сейчас в мире, будет еще сильнее, но что не зло победит зло, а только любовь...

Из письма великой княжны
Ольги Николаевны Романовой

Глава первая
ДУШНОЙ РУССКОЙ НОЧЬЮ

12 июля 1918 года

Он услышал стон и сразу проснулся. Сел на кровати и по привычке потянулся к столику, чтобы зажечь ночник. Но тут же вспомнил, что ночник забрали, и рука его опустилась. Повернувшись к кровати, на которой спал сын, он чутко вслушивался в тишину.

«Вон тот, вон тот! — внятно сказал Алексей, потом ещё что-то, а потом опять отчётливо: — Он, он!»

В комнате было душно, темно. Осторожно ступая босыми ногами по гладким доскам пола, подвигаясь к постели Алексея по памяти, он нащупал спинку кровати и, скользя рукой по краю постели, нашёл свободное местечко рядом с горячим телом сына. Лоб и волосы Алексея были мокры от пота, и отец вытер их сначала ладонью, а потом и простынёй, потому что полотенце найти не смог.

«Вперёд! Прыгай!» — вскрикнул Алексей, и отец почувствовал, как тело сына выгнулось, словно и в самом деле приготовилось к прыжку.

Бережно, но твёрдо приподняв и прижав его к себе, он сказал тихонько:

— Алёша, Алёша! Сынок!

— А! Что?

— Это я. Ты кричал во сне. Тебе больно?

— Папа?.. Что-то снилось... Такое...

— Какое?

— Опять нога болит... и в паху...

— Что там у вас? Алёша? Ники?

«Ну вот, и её разбудили. Это всё духота», — подумал он.

— Ничего особенного. Алексею приснился дурной сон. Он кричал.

— Нет, это невозможно. Пусть они дадут хоть огрызок свечи, если не разрешают лампу.

— Хорошо. Я сейчас схожу.

Кровать скрипнула, и он понял, что она встала и идёт сюда, к ним. Он протянул руку вперёд и вошёл из стороны в сторону, как при игре в жмурки.

Она наткнулась на его ладонь, он усадил её рядом и встал.

Алёша опять застонал.

Государыня стала гладить лицо сына, мягкие волосы — родные, ласковые.

— Сыночек, милый мой, сейчас боль пройдёт. Папа позовёт Евгения Сергеевича и принесёт свечу.

Государь встал, тихонько открыл дверь в соседнюю комнату, где спали четыре княжны. Дверь из этой комнаты в столовую снята — так приказал новый комендант Юровский. Девушкам разрешено лишь повесить занавеску в проёме двери. Никакие возражения, даже самые бурные, не помогли.

У двери стоит деревянный диванчик, на котором спит охранник. «Так. Разбудить охранника или са-

тому пройти в комендантскую?»». Комната начальников находится позади гостиной и зала, которые разделены аркой.

Дверь в комендантскую слегка приоткрыта. Тонкая полоска света падает на паркетный пол зала. «Не налететь на стулья, не стукнуться о стол». Ни с кем из новых охранников, кроме коменданта Юровского, государь познакомиться не успел. Сменилась вся внутренняя охрана. Среди прежних, хотя и сильно пьющих, изрыгающих похабщину и дикие, варварские слова, всё же попадались человеческие лица с нормальными глазами, в которых многое можно было прочесть, в том числе и сострадание. Среди новых охранников не было ни одного русского. Как понял государь по их репликам, словам, которыми они перекидывались, это были австрийцы и немцы. Двое или трое, насколько успел понять Николай Александрович, были латыши.

Были и другие интернационалисты — венгры, ещё какие-то наёмники, угрюмые и молчаливые. Замена охраны, суета и беспокойство, отрывистость фраз, которые бросал Яков Юровский, — всё говорило само за себя, и государь боялся одного: лишь бы семья не догадалась, что происходит.

Но он слишком хорошо знал и жену, и дочерей, и сына, чтобы не осознать — они всё поняли.

Многое объяснила казалось бы незначительная история с ночником, который вчера унесли. Ведь Юровский знал, что царевичу по ночам бывает плохо, он сам несколько раз подходил к его кровати, чтобы убедиться, не симулирует ли Алексей. И тем не менее электрический провод обрезают, лампу под стеклянным колпачком унесли «ввиду опасности,

которой вы сейчас подвергаетесь», как объяснил комендант.

Обороты речи этого грузного, не по годам отяжелевшего человека с мясистыми щеками, носом, нависшим над холёными усами, с загибами волной на концах, были насквозь лакейскими, которые люди этого сорта принимают за признак интеллигентности. Впрочем, речь лакея Алексея Егоровича Труппа была куда грамотней, чем у Юровского, потому что Алексей Егорович говорил так, как говорил его отец, давным-давно обрусевший поляк, то есть просто и естественно. Даже когда Алексею Егоровичу приходилось называть свою фамилию (его обязательно переспрашивали, делали удивлённые лица, смеялись, даже хохотали), он смущённо улыбался, повторял её более внятно. Потом разводил руками и неизменно говорил, что фамилия эта, редкостная для русских, также редка и для поляков, так как он и есть поляк, но родился и вырос в Латгалии, откуда уехал с родителями служить в Петербург.

Говорил он это просто и естественно, без всяких украшательств, как это любил делать Юровский.

— Девятнадцать, — услышал государь голос, назвавший цифру по-немецки.

— Двадцать, — отозвался второй голос, и раздался короткий смешок.

— Мой кошелёк пуст!

— Ничего, скоро мы все получим приличное жалованье. И тогда поедem домой из этой проклятой России.

Государь постучал и открыл дверь. Охранники сидели за столом, раздетые до пояса. Они играли в кости. Третий, одетый, лежал на койке.

Это был Юровский.

— Извините за беспокойство, господа, — сказал государь по-немецки.

На этом языке он говорил крайне редко, только в случае необходимости. С детьми разговаривал исключительно по-русски, с женой чаще всего по-английски. На языке своей бабушки, английской королевы Виктории, Александра Феодоровна, воспитанная после смерти матери именно бабушкой, а не отцом, великим герцогом Гессен-Дармштадтским, изъясняться могла более свободно, чем на любом другом языке, в том числе и русском, хотя последний знала хорошо.

— Моему сыну плохо, необходима помощь доктора. Я пришёл попросить свечу — хотя бы на короткое время. Нельзя ли разбудить господина Юровского?

— Меня не надо будить, — Юровский сел на постели, пригладил жёсткие волосы. — И сколько можно вам говорить, чтобы вы не беспокоили нас по пустякам?

— Вы меня не расслышали. У сына острые боли. Я прошу хотя бы свечу.

— Вы прекрасно знаете, что вашему сыну ничто не поможет. — Юровский встал, взял со стола стакан с недопитым чаем, глотнул: — Отправляйтесь спать!

— Доктор даст лекарства, примет другие меры. Алексей хотя бы сможет заснуть.

— До чего же вы упрямый, Николай Александрович. Даже нахальный. Вам было сказано, что в ваших комнатах нельзя зажигать свет. Ваши, которые хотят похитить вас, только и ждут сигнала. А свет в окне как раз и может быть принят за сигнал.

— Опомнитесь! Окна скрыты двумя заборами и замазаны известью.

— А колокольня Вознесенской церкви? Которая напротив?

Государь посмотрел в маслянистые, чуть навывкате, глаза Юровского. Верно заметил Евгений Сергеевич Боткин, что у него «бесстыжие глаза».

У государя ещё с первых лет правления империей сама собой выработалась манера в моменты напряжённых разговоров вот именно так прямо и твёрдо смотреть в глаза собеседнику. Взгляд серо-голубых глаз государя называли ласковым, обворожительным, и многие не только из его подданных, но и из королевских домов других держав попадали под обаяние этих необыкновенных глаз. Но многим было известно и другое их выражение, когда они становились холодными, как бы застывшими, и смотрели в самую глубину души собеседника. В такие минуты государь молчал, и некоторые, по большей части недалёкие его подчинённые, воспринимали подобный взгляд за одобрение своего прошения или положительное решение обсуждаемого вопроса. Но те, кто были хоть чуточку умнее, понимали, что взгляд государя есть взыскание к совести человека, послание к истокам души, которая должна сама найти справедливый ответ.

Юровский уже знал этот взгляд и понял, что хотел сказать бывший царь: наверняка он знает, что на колокольне установлен пулемёт. Всего было установлено четыре пулемёта. Дом инженера Ипатьева, куда поместили царскую семью, находился под перекрёстным огнём, и любое нападение было бы обречено на провал. Помимо пулемётов, была сразу же организована и наружная, и внутренняя охрана. Дом обнесли двойным забором, который закрывал окна. Сначала один забор, а потом и второй по-

ставили, как только Николай Александрович и его дочь Мария прибыли из Тобольска в Екатеринбург. Остальная часть семьи осталась в Тобольске, так как цесаревич болел гораздо сильнее, чем теперь.

— Зажги свечу, — приказал Юровский. — Спички где?

Наёмник ничего не понял.

— Комендант просит, чтобы вы зажгли свечу, — сказал государь по-немецки.

Наёмник встал, нашёл свечку, спички. Русскую речь он так и не освоил, лишь научился понимать отдельные слова, находясь сначала в плену, а потом вступив в Красную армию, чтобы получать приличное пропитание и деньги. Он не был идейным сторонником большевизма, как некоторые из его сослуживцев, попавших в охрану «Дома особого назначения» (так стали называть чекисты и руководители-большевики особняк инженера Ипатьева). Он зарабатывал себе на жизнь тем, что научился хорошо делать — стрелять. Когда люди падали после его выстрелов, он испытывал чувство удовлетворения — хорошо выстрелил, не промахнулся.

Остальное его не касалось. Хорошо стрелял. Всё равно, в кого — в русских офицеров, солдат, крестьян, купцов, дворян, которых на большевистском жаргоне называли буржуями.

Волосатый зажгёт свечу. Юровский взял её и направился вместе с государем к их комнате.

Когда проходили мимо комнаты княжон, государю было достаточно беглого взгляда, чтобы увидеть, что дочери не спят. А Евгений Сергеевич уже был одет и стоял у двери, ожидая государя. Он поклонился и на вопрошающий взгляд сразу ответил:

— Жалуется на боль в паху и ноге. Стонет. Это всё тот же ушиб.

Доктор надел пенсне и вошёл в комнату вслед за Юровским и государем.

Александра Феодоровна встала, освобождая место на постели сына для доктора, и тот стал осматривать мальчика, по привычке приговаривая: «А здесь больно? А здесь?»

У Алексея было бледное, исхудавшее за последний месяц лицо. Кожа истончилась до того, что, казалось, прикоснись к ней пальцем чуть посильнее — и она порвётся. Огромные серо-голубые глаза, точно такие же, как у отца, сейчас составляли как бы всё лицо, потому что притягивали к себе неземной, уже потусторонней силой страдания. Хотелось упасть на колени и сделать что-то особенное, может быть, даже жизнь отдать, лишь бы облегчить страдания этого подростка с глазами, которых, может статься, не бывает у людей, такие бывают, наверное, только у ангелов. Как могли сиять эти глаза, когда он радовался, резвился! Как они лучились, когда он затевал какую-нибудь шалость! В семье Алексея звали Солнечный Лучик. Да, именно таким бывает солнечный лучик весной, когда тает снег и сосульки роняют капли, похожие на жемчуг. И ручьи бегут, и вода вспыхивает серебристыми искорками.

Но сейчас не радостный весенний день, а глухая чёрная ночь.

«А у моего сына глаза на угли похожи, — мелькнуло в сознании Юровского. — Когда он злится, они становятся, как у кота, который лезет в драку».

— Ты что же раскис? — вслух сказал Юровский, покровительственно и дружески, как ему казалось,

улыбнувшись. Но улыбка вышла кривая и недобрая. — Разбудил всех. Нехорошо.

В комнату заглянула Татьяна, спросила: «Можно?» — и вошла, принеся тазик с водой, полотенца. Она была в лёгком платье, волосы наскоро скреплены заколкой. Шея высокая, лебединая, посадка головы такая же, как у матери — царственная. И фигура, и движения, и ровный голос, и взгляд, казалось бы, всегда невозмутимых глаз — всё было материнское, всё говорило о том, что она именно царская дочь. Ольга старшая из детей, но руководила семьёй в отсутствие родителей именно Татьяна, и никто не возражал против этого. Она занимала главенствующее положение в семье по праву самой деятельной и рассудительной.

Юровскому нравились все пятеро царских детей — каждый по-своему, каждый своей неповторимой особенностью и внешности, и характера. Но Татьяна ему нравилась более других, и он ловил себя на том, что иногда любит её, и одёргивал себя напоминанием, что это дети православного царя, поэтому никакого снисхождения к ним быть не должно.

— Ну так что, Боткин? — уже с трудом сдерживая раздражение, спросил Юровский.

— Да вы бы не беспокоились, Яков Михайлович. Шли бы отдыхать. Надо подождать, пока лекарства начнут действовать. Видите, свечка небольшая, но её хватит, чтобы Алексей Николаевич успокоился и уснул. Прошу вас, оставьте свечку и идите спать — так будет лучше всем.

Янкель Хаимович (ибо так на самом деле звали Юровского) понял, что его присутствие лишь усиливает боли мальчика, которому нужен покой. «Ладно, скоро он и покой получит! А сейчас действительно

пора идти спать. А свечу надо им оставить, чтобы и они все успокоились, чтобы не было лишних телодвижений перед делом. Пусть поворачуют».

— Ладно, Боткин, послушаюсь твоего совета. Пусть свеча стоит у постели — выше её не поднимай. Делаю послабление в последний раз. Спокойной ночи, граждане, — и он ушёл, оставив после себя запах пота, табака, и чего-то ещё, явственно ощущаемого всеми, кто находился сейчас у постели больного.

Это был запах зверя, который настиг свою жертву, ухватил её когтями и теперь приходит в себя, чтобы отдышаться, а потом начать поедать.

— Свеликодушничал, — усмехнулся Евгений Сергеевич, когда шаги Юровского затихли и хлопнула дверь, закрывшись за ним.

— Он может вернуться на цыпочках и подслушивать. Я один раз застала его за этим занятием, — сказала Татьяна.

— А всё же он лучше прежнего, Авдеева. Вспомните, как тот напивался. И что мог говорить.

И государь вспомнил, как Авдеев, предыдущий комендант Ипатьевского дома, однажды явился в стельку пьяный, бессмысленно улыбаясь и покачиваясь. На ремне у него висел револьвер в деревянной кобуре, и он бессознательно за неё хватался, неся околесицу про «врагов народа и буржуазию». Государь боялся, как бы он спяну не выхватил револьвер и не выстрелил, и зорко следил за Авдеевым. Но воинственный пыл пьяного комиссара быстро утих, он стал жаловаться, что у него совсем не такая семья, «как вот у вас, Николай Александрович, дети не слушаются, жена — стерва и не желает подчиняться». Потом Авдеев сказал, что он не тюрем-

щик. Тут явился его помощник, Мошкин, тоже пьяный, но не в той степени, что Авдеев. Начальника он увёл, но матерился столь грязно и ужасно, что даже Авдеев стал его урезонивать в том смысле, что, дескать, «здесь девицы, и ты не имеешь права говорить безобразные слова». Это замечание лишь распалило Мошкина, и хотя они ушли, гнусная брань ещё долго разносилась по всему «Дому особого назначения».

В комнату тихонько вошли Ольга, Мария, Анастасия. Вся семья собралась вокруг постели Алёши, и ни мать, ни отец не спросили, почему дети пришли сюда и почему они не спят. Девушки любили друг друга, но больше всех все вместе они любили Алексея. Он был центром семьи, и если ему было плохо — плохо было всем. А когда он был здоров и весел, свет озарял лица всей семьи. И даже задумчивая, не любившая лишних разговоров и суеты старшая из сестёр Ольга, мало склонная к развлечениям и веселью, улыбалась вместе со всеми и не отказывалась принять участие в общих играх.

— Ну что, Алексей Николаевич, полегче? — спросил доктор.

— Мне хорошо, что мы все вместе, — ответил Алёша, улыбнувшись. — И что горит свеча. Свеча ведь лучше электричества, правда, папá?

Государь кивнул. И он почувствовал себя спокойнее, когда все собрались.

— Свеча — это ведь наша душа. Пламя её направлено к Богу. А лампочка электрическая... Как бы точнее сказать...

— Дочка прогресса, — определила Мария.

Улыбка осветила её широкое, скуластое лицо, тёмные глаза заблестели. Статью и характером она вышла в деда, императора Александра Третьего, —

сильная, ширококостная. У неё были прекрасные густые волосы, гораздо более тёмные, чем у сестёр, ростом она была ниже их, но это не портило осанку, несмотря на то, что плечи у неё были широки, а руки сильны. Её некоторая тяжеловесность искупалась бойкостью, весёлостью, умением быстро находить общий язык с кем угодно — хоть с солдатом, хоть с герцогом. Дети звали её Машкой. А Алёша, когда болел, всегда говорил: «Машка, неси меня!» — и она несла, даже с удовольствием.

— Хорошо сравнила, — сказал Алексей. — Ты и сама «дочка прогресса». А я...

— Не надо, Алёша, — мать полотенцем промокнула его виски, на которых опять выступили капельки пота.

— Главное, что мы все вместе.

— А я знаю, почему они усилили охрану, — сказала младшая, Анастасия.

Она была на два года моложе Марии — ей в июне исполнилось семнадцать лет. Ростом она не отставала от Маши, но была гораздо стройнее сестры — лёгкая, милая, тоже склонная к шутке и озорству. У неё был явный актёрский талант, и она любила изображать знакомых семье людей, очень точно подмечая и пародируя их особенности. Настя не была красивой, но в её чудесных глазах искрилась сама жизнь, и нельзя было не засмотреться на неё, не смеяться вместе с ней, не радоваться её шуткам. В семье её звали Солнышко.

— Они усилили охрану, потому что испугались Машки. Это когда она одного пьяного солдата с забора сдёрнула.

И Настя, встав, изобразила, как Мария стаскивает солдата с забора.

— Это, надеюсь, шутка? — мать, улыбаясь, смотрела на дочь.

— Нет, на самом деле! — оживился Алёша. — Этот пьяный Мошкин залез на забор и стал подглядывать за ними (он показал на сестёр) в окно. Потом стал делать неприличные жесты. Настя и Маша сговорились, и Настя осталась у окна, я видел. Настя тоже стала делать жесты, как на танцах, а Машка в это время потихоньку подобралась к забору и за ногу этого пьяницу хватать! Он с забора и кувырк!

Настя смешно показала, как помощник бывшего коменданта Авдеева Сашка Мошкин перекувырнулся. Все потихоньку рассмеялись, даже государь, хотя он и приложил палец к губам.

На самом деле всё было по-другому. Подлец Мошкин действительно залез на забор в пьяном виде и действительно делал неприличные жесты. И Маша сказала: «Как хорошо бы сдёрнуть его с забора!» Но как его сдёрнешь, если внизу разгуливают и хохочут тоже подвыпившие охранники, у которых ружья висят на ремнях! Видимо, они опять достали какой-то жуткой вонючей отравы, от которой разит за версту. Маша слышала однажды, как Авдеев сказал Мошкину: «Денатуратом разжился?» И вот они опять напились этой гадости, и Мошкин залез на забор, орёт похабные частушки — именно орёт, чтобы вся семья слышала похабщину. А охранники гогочут, и Авдеев гогочет — он самый противный из них. У него длинные руки, широкие, вечно грязные ладони и фуражка грязная, замусоленная, которую он однажды даже за обедом не снял. Он и Мошкин взяли моду обедать за одним столом вместе с семьёй, и в один из первых же дней, когда они уселись за стол, Авдеев не снял своей фуражки и, развалившись

на стуле, закурил папиросу. От него разило этим самым денатуратом, пьяненькие хитрые глаза нагло щурились. Поварёнок Лёня Седнев принёс на блюде котлеты, поставил их на середину стола. А увидев, что комендант курит, быстро убежал, испугавшись. Увидев котлеты, Авдеев погасил папиросу прямо в тарелку. Чистую взял у Мошкина, встал и потянулся длинной рукой за котлетой. Взяв её, он согнул руку в локте и, будто случайно, локтем ударил государя в лицо.

Государь, словно в нём лопнула пружина, вскочил, повернулся к Авдееву. Авдеев был выше ростом и, продолжая ухмыляться, смотрел на императора.

— Да вы сядьте, гражданин бывший царь, — сказал Авдеев, засунул котлету в рот и стал жевать.

С минуту царь неотрывно смотрел на Авдеева, отодвинул стул и вышел из-за стола. Вслед за ним вышли императрица, дети, доктор Боткин, горничная Анна Демидова.

— Ну и плевать на вас! — сказал, усаживаясь, Авдеев. — Ходите голодными. Нам с тобой, Мошкин, больше достанется!

Мошкин хохотнул, тоже взял котлету рукой и целиком отправил её в широко разинутый рот.

Почему-то не Авдеев, а именно Сашка Мошкин вызывал у Марии чувство отвращения. Ей хотелось именно сдёрнуть его с забора или зажать ему рот так, чтобы он не мог долго дышать — за то, что этот рот изрыгает такие вонючие ругательства.

— Свеча догорает, — сказал государь.

— Ничего, до рассвета недалеко, — доктор Боткин поправил пенсне, вытер платком свою крепкую шею.

Он не мог при государе и государыне находиться в нательной рубашке, поэтому надел верхнюю, а она

была из плотной хлопчатобумажной ткани, и доктор потел.

— Идите спать, мне уже не больно, — сказал Алексей, хотя боль продолжала пульсировать в том месте, где после ушиба образовалась опухоль. Поймав взгляд матери, он добавил: — Больно, но совсем немного.

— Я посижу с Алёшей, — сказала Татьяна. — Мне всё равно не спится.

— Позови меня, если всё же захочешь поспать, — сказала Ольга и встала: — И ты постарайся заснуть, Алёша.

Он кивнул и смотрел, как догорает свеча, как, погружаясь во тьму, меркнут родные любимые лица.